

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ИГРАЕТ НА КОЛОКОЛАХ

В ЦЕНТРЕ Каунаса, в тихом дворе исторического музея, стоит серая башня. Тяжелые бетонные стены, уходя вверх, плавно тянутся друг к другу и обрываются где-то выше черепичных крыш и фабричных труб.

С вершины башни — с ее колокольни — виден весь Каунас и даже далекие леса, которые подходят к городу. Любопытно подняться на башню, но узкая тяжелая дверь внизу всегда закрыта.

...По воскресеньям, около полудня, старик в черном берете и в толстом шарфе, заматанном вокруг горла, открывает ключом дверь и входит в башню. За толстыми стенами начинают глухо скрипеть ступени.

Старик тяжело поднимается по лестницам. Проходит много минут, пока слабые руки распахнут на колокольне деревянные ставни. Старик свешивает из черного проема окна седую голову и смотрит вниз. Толпа людей уже собралась у подножия башни, и все подбегает к и подбегает автобусы с туристами.

Старик терпеливо ждет. Вот опустели автобусы, шоферы заглушили моторы, и наступила тишина. Тогда старик исчезает в темноте колокольни.

И вдруг неожиданно, так неожиданно, что все внизу даже вздрагивают, с вершины башни торжествующим ревом падает неистовой силы колокольный звон. Падает, как глыба с неба. Вот он в одно мгновение забил все шумы города, пронесся по глубокому улицам, наполнил их до краев и, снова взметнувшись вверх, повис над городом.

Но так же неожиданно, как и началась, могучий звон вдруг затихает, делается тоньше и глуше. Торжество, с такой щедростью разбросанное колоколами по городу, гаснет, звуки превращаются в шепот. И из этого шепота... рождается мелодия. Ее ведут теперь всего два или три колокола, и мелодия образовывается четкая, знакомая, хотя и непривычно слышать ее, идущей от колоколов. Но все внизу узнают ее: Чайковский!

А трем ведущим колоколам, их тугим и сочным звукам уже начали помогать другие колокола — их звуки выше и нежнее, и мелодия крепнет, вбирая новые и новые оттенки. Металлический перезвон, сильный и властный, снова плывет над городом.

...Стоят, замерев у подножия башни, люди, глядя вверх в сквозное, без облаков небо — и на глазах у многих дрожат и плавают слезы.

Видимо, какая-то тайная сила звуков заключена в металле. Много веков будили на земле колокола людские сердца, вызывая слезу и улыбку, тревогу и надежду. В кровь нашу вошел будоражащий душу металлический звон, пробуждая, как и у наших предков, те же переживания, ту же горечь и ту же любовь.

...В глухой серой башне старик играл на колоколах.

* * *

Композиторы говорят, что даже очень знакомые и популярные мелодии в исполнении колоколов буквально потрясут — их слышишь словно впервые. Звуки колоколов способны передать чувства такой своеобразной глубины и силы, что повторить их не может ни один музыкальный инструмент.

Уже восемь лет — каждое воскресенье и в каждый всенародный праздник композитор Купрявичус поднимается на башню в центре Каунаса и играет для всех, кто хочет его слушать.

По праздникам радостные мелодии повисают над городом, становясь музыкальными символами торжеств. В иные дни веселые звуки сменяет Купрявичус задумчивым и грустным перезвоном — это бывает в те дни, когда люди вспоминают войну и невернувшихся друзей.

Жители Каунаса полюбили игру колоколов — их звон стал как бы еженедельным музыкальным календарем их жизни. Купрявичус знает весь город от мала до велика. Школьники поют его песни: много лет композитор писал для детей веселые оперы-сказки и сам ставил их на школьных сценах.

Его встреча с колоколами произошла случайно. Как-то попросили посмотреть старый механизм на башне: может быть, он еще годен и колокола можно заставить говорить снова? Старик Купрявичус поднялся на башню, провел рукой по ржавым, пыльным языкам...

Кто из людей знает, когда — в

начале жизни или только в ее конце — встретится он с делом, которое заберет все напряжение сил, на которое он способен! Купрявичус на шестидесятом году жизни стал дарить людям счастье никогда не слышанных мелодий, еще не знакомых даже самому себе переживаний и чувств.

В тот день я приехал к единственному в стране человеку, который играет на колоколах. Он сказал мне:

— Сейчас приду, — пожаловался: — Трудно будет играть сегодня, на башне такой ветер... Я не смогу снять пальто.

Через полчаса он пришел. Высокий, сутулый старик. В черном берете и в толстом шарфе вокруг горла. В нем было что-то от древнего рыцаря: резкий с горбиной нос, узкое белое лицо с глубокими складками — лицо человека, много видевшего и много думавшего за долгую жизнь. Старик равнодушно оглядел меня, вынул из кармана большой ключ и, ни о чем не спрашивая, пошел вперед — открывать дверь в башню.

Мы вошли в нее и стали подниматься по ступеням, которые уступами шли вдоль стен. Лестницы уходили так высоко вверх, что почти сливались.

— Сколько здесь ступеней?

— Не знаю. Восемь лет хожу по ним, но никогда не считал. Пока поднимаюсь, три раза отдыхаю.

Пологие лестницы наконец кончились — мы остановились перед уже деревянной лестницей, стоящей вертикально.

— Я пойду вперед, — сказал Купрявичус. — Вы не сможете открыть люк на колокольню.

Он тяжело дышал, лицо его покрылось красными пятнами.

— Завтра вам снова подниматься сюда?

— Да, завтра концерт. Приедет мой сын из Вильнюса — он учится в консерватории. Будем играть в четыре руки. Вы знаете, когда он был маленьким, ему не хотелось лазить по лестницам, но потом он полюбил колокола.

Мы были уже на колокольне. Холодный воздух высоты, свежий и одновременно стоячий, держался здесь. Тяжелые ставни не пропускали света. Я сился увидеть коло-

Перед этой клавиатурой стояла деревянная скамья.

Купрявичус подошел к клавиатуре, снял перчатки и стал тихонько, чтобы не вызвать нечаянно звуков, ладонями ощупывать деревянные ручки — клавиши. Он грел их, а может быть, приучал к ним снова свои ладони.

— Что сыграть вам? — спросил он.

— Не знаю. Я никогда не слышал игры на колоколах.

— Вы не слышали колокола?

— Слышал бой часов на башнях.

— Это не то, — сказал Купрявичус. — У часов музыкальный механизм, там мотор, а здесь можно менять силу удара — она зависит от руки. Но у меня мало сил в руках... Вам надо остаться и послушать моего сына, он молодой, у него крепкие руки.

Он подвинул ближе к себе скамью, сел и снял с головы берет. Ветер сбил на лицо седые волосы. Но он не поправил их. Он знал: бесполезно — ветер всегда сильно дует здесь.

Руки уверенно и тяжело лежали теперь на клавишах.

— Приготовьтесь, — сказал Купрявичус. — Будет так громко, что можно испугаться... Вы готовы?

— Да!

...Внезапно фигура старика куда-то провалилась. Потом я увидел на мгновение его согнутую спину. И снова все исчезло из глаз. Я только успел понять, что он всей тяжестью своих рук и тела нажал на клавиши, ушел вместе с ними куда-то вниз, но тут же выпрямился, перебрал руки на другую пару клавиш и снова всем телом надавил на них.

Гром, резкий, сильный и тяжелый, как удар, отбросил меня к стене. Огромные и страшные, раскачивающиеся колокола будто двинулись на меня. Я закрыл глаза и в темноте почувствовал, как звук рванулся через окна на волю и понесся над городом.

И вдруг наступила тишина. Словно ничего и не произошло в короткие секунды до этого. Гром пропал. Никаких отголосков, ничего, что продолжало бы еще дрожать, затухая.

Я открыл глаза. Старик сидел на скамейке. Руки его были прижаты к груди. Он тяжело дышал.



кола, но глаза различали только темные и мрачные громады.

— Сейчас я влущу свет, — сказал Купрявичус.

Ставни распахнулись, и шум города — шуршание и гудки машин, и слитный говор улиц, и скрип каменных дверей, и легкое потрескивание черепицы на крышах — все сразу ворвалось сюда, в башню, вместе со светом.

И я увидел колокола. Огромные, тяжелые, они висели двумя рядами, с какой-то старинной вязью по закругленным краям — все одинаково мрачные и угрюмые. Те, что слева, были массивнее, те, что уходили вправо, плавно уменьшались по размеру и по тяжести. Они, вероятно, давали и более звонкий и более веселый звук.

От тяжелых языков, которые прятались под куполами с литой вязью, шли металлические пластины, затем все вместе они собирались в длинный ряд, который кончался таким же рядом деревянных ручек, образуя старинную, грубую клавиатуру.

— Я сыграю вам то, что написал сам, — глухо сказал он. — Я сыграю «Веселые колокола».

Мне трудно рассказать, что я услышал. Музыка не передается словами.

Сильные и властные руки старика металлись по клавишам, ударяли по ним, но не суетливо, а резко и четко, всякий раз попадая именно на те пары, на которые было нужно. Колокола уже не ворочались, они вздрагивали в каком-то веселом собственном танце и звенели, звенели, давая возможность каждому проявить себя, подать свой голос, чтобы продолжить мелодию, чистую и радостную мелодию веселья.

...С колокольни был виден город: крутые черепичные крыши, белые стены домов, узкие улицы и зелень земли, над которой звучала радостная мелодия жизни.

Старый композитор Виктор Николаевич Купрявичус играл на колоколах.

Ю. СКВОРЦОВ.

(Спец. корр. «Труда»).

КАУНАС.